В.Л. Васильев

*Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)*

vihnn@mail.ru

К ТИПОЛОГИИ КОРРЕЛЯЦИЙ МЕЖДУ ЛАНДШАФТНЫМ ТЕРМИНОМ И ГЕОГРАФИЧЕСКИМ НАЗВАНИЕМ

Задачей статьи является оценка возможностей изучения региональной истории ландшафтных терминов с учетом показаний региональных топонимических коррелятов. Выделены и охарактеризованы четыре главных типа соотношений омонимичных ландшафтных терминов и топонимов в Новгородском регионе. Первый тип составляют употребительные многозначные термины, которые коррелируют с многочисленной региональной топонимией (*бор* ‘хвойный лес; открытое возвышенное место’, *нива* ‘пашня; пустошь’ и др.); второй тип представлен редкой в регионе терминологией с редкой же коррелятивной топонимией (*багно* ‘болото’, *суходон* ‘сухое место’ и др.); третий тип — это употребительные многозначные термины с редкой коррелятивной топонимией (*лиман* ‘залив; зарастающее болото; глубокое место’, *курган* ‘возвышение’); четвертый тип включает единичные в регионе (или даже отсутствующие в регионе) термины с многочисленными соответствиями в региональной топонимии (*дуброва* ‘лес’, ‘поле’, ‘покос’, *дор* ‘местность, покрытая лесом’).

Ключевые слова: ландшафтные термины, топонимы, коррелятивный тип, говоры Новгородского региона

Народные термины физико-географического ландшафта (рельеф, растительность, водоемы, почвенный покров), особенно те, которые выступают обозначениями заметных и значимых для хозяйственно-прагматической деятельности человека форм ландшафта, теснейшим образом связаны с географическими названиями, в первую очередь микротопонимией. Близость обоих классов слов обусловлена тем, что они указывают на одни и те же типы топографических объектов — участков местности, которые ландшафтные термины, будучи *nomina appellativa*, обозначают, а географические названия, как *nomina propria*, называют¹. Тожество

¹ Впрочем, на уровне диалектной моносистемы отдельно взятого конкретного говора, отчетливая оппозиция «собственное» — «нарицательное» может нарушаться. В отдельном говоре

референтов среди объектов топографии ведет к вовлечению многих ландшафтных терминов в процесс топонимизации, существенно более активный, нежели среди иных лексико-семантических групп. Складывается мощный слой микропонимов и топонимов, которые соотносятся (коррелируют) с ландшафтной лексикой, выступают локально закрепленным «отпечатком» ландшафтной лексики и дополнительным источником информации о ней. Возможность привлечения топонимических коррелятов углубляет уровень и расширяет горизонт исследования ландшафтных терминов прежде всего в плане диахронии. Надо полагать, этими преимуществами объясняется тот длительный всплеск интереса к вопросам взаимосвязей топонимии и народной терминологии ландшафта (местной географической терминологии), который наблюдался в отечественной науке после выхода этапной книги Н. И. Толстого [Толстой 1969] — в 1970-е, 1980-е, отчасти и в 1990-е гг.²

Основной задачей настоящей статьи является оценка возможностей изучения региональной истории ландшафтных терминов с учетом показаний региональных топонимических коррелятов. В целом функциональная активность ландшафтного термина в диалектном континууме какого-либо региона проявляется: 1) множественностью фиксаций в лексикографических источниках, 2) развитием семантической филиации, 3) появлением словообразовательных дериватов, 4) включенностью в процессы топонимообразования. Хотя вектор производности обыкновенно направлен от термина к топониму, коррелятивная связь между ними показательна двусторонне. Наличие живого ландшафтного термина в регионе закономерно позволяет надеяться, что в этом же регионе обнаружатся восходящие к данному термину географические имена. Обратное тоже верно, хотя корреляция тогда будет иметь более общий и менее убедительный характер: наличие региональной топонимии, обусловленной каким-либо ландшафтным термином, подсказывает, что в регионе существовал и /или существует до сих пор исходный термин-мотиватор (но, разумеется, за вычетом, далеко не всегда очевидным, тех отапеллятивных, оттерминологических географических имен, которые были перенесены в регион в готовом виде).

Обращусь далее к рассмотрению типологии термино-топонимных корреляций на примерах из континуума новгородских говоров, покрывающих преимущественно бассейн оз. Ильмень и его притоков. Наилучшую возможность для такого рода наблюдений предоставляет Новгородский областной словарь (далее — НОС).

равноправно сосуществуют в качестве микропонимов не только названия, отражающие историческую память местного населения, не находящие очевидных пересечений с наличной апеллятивной лексикой говора (законченные, «ортодоксальные» *potîna prorgîa*), но и повсеместно известные ландшафтные термины, выполняющие в условиях конкретного говора топонимическую функцию: *Сосняг, Полой, Лука, Роца, Гарь, Гонобольняг, Ручей* и т. п. Такие микропонимы выполняют и функцию идентификации, и функцию характеристики топографического объекта, одинаково важные для носителей говора.

² Помимо многочисленных статей и монографий, в эти годы были опубликованы целые сборники, посвященные главным образом данной проблематике [ВГ-81; ВГ-94; ВГ-110; РОиВАЛ; РТиГТ; МГТТ].

НОС выгодно отличается от других крупных диалектных словарей Русского Северо-Запада (ПОС, СРГК, Селигер, СВГ), во-первых, максимальной детализацией географии и семантического спектра ландшафтной терминологии и, во-вторых, включением соотносительной оттерминологической микротопонимии. Во многом эти качества словаря объясняются пристальным интересом В. П. Строговой, главного организатора работы по сбору картотеки и ответственного редактора НОС, именно к новгородской ландшафтной лексике, отдельное собрание которой представлено также в научно-популярной книге автора «Как говорят в Новгородском крае» [Строгова 1991]. Микротопонимия была включена в НОС с относительной полнотой: составители по понятным причинам не ставили перед собой задачи по максимуму собрать и отразить в словаре областной лексики все коррелирующие с ландшафтной терминологией географические имена. Впрочем, топонимическую лакунарность областного словаря отчасти позволяют закрыть имеющиеся в моем распоряжении топонимические материалы Новгородского региона, собранные по современным письменным справочникам, картам и полевым записям XX–XXI вв. Не менее важен учет новгородской исторической топонимии, сохраняемой летописями, деловыми актами, писцовыми и переписными книгами.

Предварительно намечаются четыре главных типа соотношений омонимичных ландшафтных терминов и топонимов в Новгородском регионе. Оцениваю их как предельно обобщенные термино-топонимные коррелятивные типы, опуская промежуточные, переходные случаи (подтипы).

I. Активно функционирующие в регионе ландшафтные термины + многочисленные региональные топонимы-корреляты;

II. Редкие в регионе ландшафтные термины + редкие региональные топонимы-корреляты;

III. Активно функционирующие в регионе ландшафтные термины + редкие региональные топонимы-корреляты (либо их отсутствие);

IV. Единично отмеченные / не отмеченные в регионе ландшафтные термины + многочисленные региональные топонимы-корреляты.

К **коррелятивному типу I** принадлежат многие новгородские термины ландшафта, характеризующиеся как правило полисемантичностью, непроизводностью и пространными ареалами, выходящими за пределы региона. Таковы повсеместно известные новг. *бор*, *гора*, *нива*, *мох*, *веретье* (*веретьё*), *вир*, *гри́ва*, *кряж*, *кру́ча*, *лу́ка*, *нос* (в значении ‘мыс’), *рель*, *рёлка*, *со́пка*, *гри́ва*, *болото*, *берёзник*, *ра́мень*, *пóжня* и др. Например, термин *бор*, развивший в новгородских говорах более десятка взаимопереходных ландшафтных семем [см. Васильев 2001: 79–94], не менее активно проявил себя в местной микротопонимии (названия пашен и земельных участков *Стрелецкой Бор*, *Ржаной Бор*, *Белый Бор*, *Бор*, *Боры*, *Костин Бор*, *Паленый Бор*, *Горский Бор*, *Под Бором* и др.) и в ойконимии — названиях новгородских селений и пустошей (дд. *Бор*, повторяющиеся более двух десятков раз в пределах Новгородской области, дд. *Висючий Бор*, *Трубников Бор*, *Мясной Бор*, *Большие Боры*, *Подборье* и др., большинство из которых зафиксированы еще писцовыми документами XV–XVI вв.). Новг. *ни́ва* со спектром значений, связанных с пашней

и ее зарастанием (помимо общерус. 'засеянное поле, пашня', в НОС даны 'вырубленное и выжженное под пашню место в лесу, рощисть', 'поляна в лесу', 'запущенный участок пашни, заросший травой, лесом', 'пастбище', 'луг; покосное место', 'луг, удаленный от деревни', 'участок леса'), показывает огромное множество (микро)топонимических продолжений: *Алёшина Нива, Барская Нива, Бестолкова Нива, Васькина Нива, Волчья Нива, Пьяная Нива, Порточны Нивы, Дубнинские Нивы, Журовы Нивы, Коровьи Нивы, Под Парамоновой Нивой, Нивага, Нивица, Нивки, Нивушки, Нивская* и др. (согласно НОС; КНОС) и десятки средневековых и современных названий селений *Нива, Нивка, Нивы, Нивки, Нивище* и др. [Указ. к НПК: 172]. Пространственная дистрибуция *бор, нива* характеризуется надрегиональной широтой, но иногда к рассматриваемому типу принадлежат узкоареальные термины. Термин *вельга*, хотя и занимает незначительный ареал на востоке Новгородской и на западе Вологодской областей, тем не менее, развил ряд топонимических семем ('низкое, сырое место', 'заросший травой участок озера', 'заливной луг', 'кочка на болоте', 'болотная трава') и образовал топонимы *Арбузовы Вельги, Вёльга, Вельги* [НОС 2010: 96], гидронимы *Велеговка* и, возможно, *Вельгия* (= *Велгея*, по материалам XVI в. [НПК, VI: 922, 925]).

Данный тип термино-топонимной корреляции — употребительные ландшафтные термины со значительной топонимической поддержкой — предполагает давнюю и устойчивую традицию функционирования. Такие термины издревле характеризуют говоры региона, их активность в местном речевом узусе не снижалась на протяжении многих столетий, судя по присутствию не только коррелятивной микротопонимии, но и собственно топонимии с длительной письменной историей. Большинство таких терминов были занесены в Новгородский регион ранними славянами-переселенцами, а некоторые суть ранние приобретения самих новгородских говоров в виде местных субстратных включений (таково, похоже, рассмотренное *вельга*) или местных лексико-семантических инноваций; к последним я отношу, в частности, *рель* — обозначение невысоких продолговатых возвышений среди низменностей³.

Коррелятивный тип I заметно обесценивает некоторые сформулированные ранее закономерности, подчеркивающие размежевание ландшафтной терминологии и соотносительной с ней топонимии на общей территории или в одной местности. В частности, не согласуется с мыслью о том, что «топонимы отапельлятивного

³ В сферу ландшафта *рель* явно перенесено из строительной терминологии [Фасм. ЭСРЯ, III: 467], где оно обыкновенно служит обозначением шестов, жердей, строительных лесов, опорных столбов; см. [Даль ТСЖВЯ, 4: 91; СРНГ, 35: 50]. Ландшафтная специализация термина состоялась, по всей видимости, как раз в окрестностях оз. Ильмень, где плотно сосредоточены практически все его древнерусские (с XII в.) фиксации, где отмечен его дериват в ранней суффиксальной форме *релька* (впоследствии в повсеместной форме *рёлка*, с отвердевшим *л'*) и где сохраняются самые древние топонимы *Рель* [Срезн. МСДРЯ, III: 216; СлРЯ XI–XVII, 22: 141]. Древненовгородское происхождение термина *рель*, очень рано рассеявшегося по всему Восточно-Европейскому Северу, дополнительно свидетельствуется почти полным отсутствием его в говорах Центра, в частности во владимирско-поволжских.

происхождения отмечаются как правило на периферии основной зоны распространения омонимичных апеллятивов или за ее пределами» [Азарх 1979: 240], или с другим утверждением этого же автора: «Омонимия нарицательных и собственных имен обычно возможна при малой частотности апеллятивов и употребления их в ономастике на ограниченной территории» [Там же]. Как явствует из приведенных выше иллюстраций, лексемы *бор*, *нива* безусловно не вписываются в такого рода дистрибутивные схемы⁴. Более того, к данному типу не приложим и так называемый закон «относительной негативности» топонимов, сформулированный В. А. Никоновым, смысл которого в том, что географическое название дается не по характерному признаку местности, а по признаку редкому, выделяющему называемый объект из окружающей среды. По Никонову [1965: 42], «в сплошной болотистой местности не возникает названия Болото, если сравнение идет только в малом масштабе, внутрирайонном, но оно непременно возникает в этой местности, как только сравнение перешагнет ее границы». Однако очевидно, что для *бор*, *нива* (равно как и для *болото*) и во «внутрирайонном масштабе» (иными словами, на уровне микротопонимии), и в более широком масштабе (т. е. на уровне региональной топонимии) изложенное правило не работает, поскольку микротопонимы и топонимы свободно перемежаются с соотносительной терминологией во всем ареале новгородских говоров (см. похожую критику закона «относительной негативности» также в статьях В. М. Мокиенко [1971] и А. К. Матвеева [1974: 17–18]).

Вместе с тем активная топонимизация народной ландшафтной терминологии безусловно отражается на семасиологической стороне слов. На смысловое наполнение оказывает заметное влияние изменчивость объектов географической среды. Но влияние это происходит опосредованно — через коррелятивные топонимы, выступающие медиатором отношений между ландшафтным термином и географическим ландшафтом. Если некий термин топонимически закрепляется за конкретным объектом на местности, то с ним начинают ассоциироваться дополнительные признаки данного конкретного объекта, в том числе и те, которые описывают смену ландшафтной приуроченности. Скажем, термин *бор*, ставший микроназванием *Бор* для некоторого участка соснового леса, постепенно окажется закрепленным за иным ландшафтным объектом, если сосновый лес на участке со временем заместится смешанным лесом, либо лиственным лесом, либо заболотится (т. е. станет лесом на болоте), либо исчезнет, превратившись в открытое место. Термин *нива* первоначально указывает и обозначает распаханый участок земли, но по прошествии времени пашня часто забрасывается, зарастает травой или лесом, делается пастбищем или покосом, хотя и продолжает именоваться *Нивой*. Изменения, претерпеваемые поименованными географическими объектами, интерпретируются в качестве их денотативных (resp. «топонимических») признаков, которые

⁴ Стоит, впрочем, заметить, что *бор*, *нива* и другие лексемы коррелятивного типа I имеют старые, издревле сложившиеся и устойчивые ареалы, тогда как применительно к молодым, формирующимся лексическим ареалам изложенные суждения Ю. С. Азарх могут оказаться вполне справедливыми.

затем из коррелятивной топонимии транслируются в смежную сферу терминологии, где иногда становятся признаками лексических значений. Следовательно, повышенная склонность ландшафтного термина к топонимизации способствует обогащению семасиологического спектра. Именно поэтому в переходности значений полисемантических терминов, подвергающихся регулярной топонимизации, часто прослеживается привычная типология смены ландшафтов, а в семасиологической структуре терминов порой наблюдаются самые общие, «предельно опустошенные», семемы (ср. *бор*, обозначающее, среди прочего, 'любой лес' или новг. *ве-рётъе* 'участок вообще').

Коррелятивный тип II (редко встречаемая терминология при раритетности топонимов-коррелятов) представлен в Новгородском регионе диал. *бёрдо* 'возвышенность', *ба́ра*, *багно́* 'болото; топкое вязкое место', *болонь* (*болонье*) 'отмель', 'заливной луг, обычно около реки', *волмина* 'ивовый кустарник', *кишкá* 'узкое и длинное повышение среди болот', *колóмище* 'гористое место', *кóрба* 'кочковатое заболоченное место', *стрúга* 'ручей', *солóто* (*солóтина*, *солотóвка*) 'заболоченный участок', *сутóки* 'место слияния двух рек, ручьев', *суходóн* 'высокое сухое место', *тáлец* 'поросшее травой, труднопроходимое болото', *хиб* (*хи́бина*) 'возвышенное место', 'залив, рукав' и др. Региональные лексикографические издания (НОС; КНОС; СРГК; Строгова 1991) включают сравнительно немногочисленные фиксации таких терминов, при том, что коррелятивные топонимические факты, извлеченные из различных источников, оказываются столь же или — чаще — еще более скудными. Так, для обозначений болотистых мест *багно́*, *ба́ра*, *болонье*, *солóтина* в Новгородском регионе найдено лишь по одному топонимному корреляту, причем три из них указаны еще средневековой письменностью: *Багно* — место у д. Савино под Новгородом [НОС, 1: 21], *Барца* д. в погосте Рождественском на Усть-Северы, 1539 г. [НПК, IV: 286], Васильевской в *Болонье* погост, впервые под 1581–1583 гг. [Неволин 1853: 309 прил.] (= совр. *Болонье* д., там же *Болонье* оз. близ города Боровичи), *Солоткая* д. в погосте Бельском около 1495 г. [НПК, II: 412] (= совр. *Солодка* д. при руч. *Салатинский* и на р. Мста ниже Боровичей). Более заметна топонимическая поддержка для редких терминов *бёрдо* (*бёдро*), *берду́ха*, *бердя́нка* 'небольшой холм, возвышение', *бёрдо* 'отмель' (в НОС 2010 даны *Бердуха*, *Первое Бёрдо*, *Второе Бёрдо*, *Заднее Бёрдо*, *В Бёрденицу*, и менее десятка названий обнаружено по средневековой письменности).

Случаи такой корреляции подразумевают либо изначально ограниченную, невысокую употребительность ландшафтного термина в регионе, либо, скорее, говорят о нисходящей употребительности и постепенном забвении на протяжении последних столетий термина, некогда имевшего более активное и широкое функционирование. В конечном итоге такие термины окончательно выходят из живого употребления в регионе, а немногочисленные региональные топонимические следы их былого присутствия находят апеллятивную поддержку в лексике говоров за пределами региона и /или в исторической, древне- и старорусской, документации. Например, новгородские названия деревень и урочищ *Во́лынь*, *Во́лыни* и *Водоси*, *Водосье*, *Водос*, *Водосы* объяснимы через *во́лынь* 'высокий холм',

единично отмеченное на юге Псковской области, через волог. *вóдосы* ‘низменные пожни’ и *водось* ‘пойма, заливаемое место’ в отдаленных вятских говорах; новгородские топонимы и гидронимы *Вяжищи*, *Зеремо*, *Перегино*, *Прость* трактуются по др.-рус. *вяжище*, *зерем*, *зерема* ‘место обитания бобров’), *перегыня* ‘труднопроходимая лесистая и гористая местность’, *прость* ‘протока; прямой, ближний путь’; подр. см. [Васильев 2012: 365–369; 359–361, 379–381, 399–400, 461–462, 485–487, 662–663 + карта на с. 738]. Такого рода региональные названия, не проверяемые лексико-словообразовательно-фонетическим материалом смежных местных живых говоров, мною ранее были отнесены к категории топонимов-архаизмов (иначе — архаических топонимов).

Коррелятивный тип III (употребительная в регионе ландшафтная терминология при выразительной скудости либо отсутствии региональных топонимов-коррелятов) иллюстрируют, в частности, новг. *лимáн*, *ляга*, *бочáг*, *бучило*, *лотóк*, обозначающие объекты отрицательного рельефа, *косогóр*, *кургáн* как обозначения возвышенностей и др. Объяснение данной ситуации кроется либо в диалектной истории слова, либо в его семантическом наполнении. В ряде случаев дефицит топонимических коррелятов у активно функционирующих ландшафтных терминов обусловлен поздним усвоением последних местными говорами. Выше приведены сравнительно молодые термины в Новгородском регионе, ареалы которых сложились недавно, поэтому они не успели еще полноценно подключиться к процессам топонимизации, на них еще не распространились или распространились ограниченно модели топонимообразования. Часть этих терминов явно закрепились в новгородских говорах благодаря нормам литературного языка, формировавшимся в последние столетия. Например, термин *лимáн* содержит в НОС почти полтора десятка дефиниций пересекающихся значений, включая оттенки: ‘речной или озерный залив, пересыхающий летом, с большим количеством болотной травы’, ‘часть озера, отделенная косой из намытого песка’, ‘спокойное, небольшое озеро’, ‘водоем без стока воды, заросший по берегам камышом или кустарником’, ‘место близ рек, озер, затопляемое водой во время разлива’, ‘заросшие камышом низкие места у озера’, ‘заросль в воде’, ‘зарастающее мхом болото’, ‘не заросшая травой часть болота, наполненная водой’, ‘обмелевший ручей или речушка с рыбой’, ‘впадина, заполненная водой; яма с водой’, ‘затопленная часть местности в городе’, ‘глубокое место в реке, озере; яма’, ‘вязкое место в реке, озере’. Однако, несмотря на хорошо развитую полисемию и множество записей в разных районах Новгородской области, данная лексема не встречена ни в одном старо- или древненовгородском документе, не выявлено ни одного микропонима или топонима от *лимáн* в письменных источниках, современных и средневековых, изобилующих географическими именами. Гидрографический термин *лимáн*, по происхождению грецизм, был усвоен новгородскими говорами, похоже, не ранее XVIII в. (в эпоху формирования общерусских литературных норм) и хотя за короткое время своей новгородской истории развил ряд специфических диалектных значений, не успел стать топонимообразующим. Иная судьба была у еще более активного в новгородской диалектной речи слова *ляга* — повсеместного севернорусского обозначения

различных низменных, сырых, топких и водных мест. Только в НОС дано не менее двух десятков семем для *ляга* (не считая дериватов *лягина*, *ляжина*, *ляговина*), хотя топонимическая оснастка апеллятива сравнительно невелика: *Ляга*, *Блуденска Ляга*, *Горецкая Ляга*, *Городская Ляга*, *Долгая Ляга*, *Зеленская Ляга*, *Кушечова Ляга*. Все микротопонимические отражения, судя по КНОС, кучно сосредоточены на побережье оз. Ильмень, а именно на западной периферии новгородского ареала *ляга*. Еще более показательно, что топонимы от *ляга* не присутствуют в новгородских средневековых памятниках письменности, в том числе в писцовых книгах XV–XVII вв. Проведенный ранее подробный ареально-семасиологический анализ показал, что лексема *ляга*, интенсивно функционирующая в восточных регионах Европейской части России (где она преимущественно встречается на севере, хотя в широтном направлении доходит до Казахстана), словно бы «вторгается» с северо-востока в ближние окрестности оз. Ильмень: ее четко очерченная изоглосса идет с севера на юг параллельно течению р. Волхов, но немного западнее Волхова, далее огибает оз. Ильмень с запада и с юга и уходит на восток в сторону Вышнего Волочка и Ярославля; см. [Васильев 2001: 202 + карта на с. 253]. Само по себе «клинообразное вторжение» подразумевает оформление *ляга* как термина гидрографии где-то северо-восточнее Новгородского региона и диффузию его из севернорусского очага в центральные новгородские говоры в достаточно позднюю эпоху.

Кроме того, встречаются хорошо известные и активно употребительные в регионе ландшафтные термины, у которых отчетливый дефицит или отсутствие коррелятивной топонимии вызваны не поздним проникновением в диалект, а особенностями лексической семантики, не благоприятствующей переходу в географические *nomina propria*. Таких терминов, надо полагать, найдется немало, хотя надежные обстоятельные критерии их выделения отсутствуют. Судя по предварительным наблюдениям, ограниченный потенциал топонимизации имеют обозначения малоприметных, точечных, повторяющихся микрообъектов на местности, которые нередко воспринимаются типовыми составными элементами более крупных объектов ландшафта, например *клоч* ‘болотная кочка’, *ку́берь* ‘пень или поваленное дерево, заросшее мхом’, *гребóк* ‘куст’, ‘группа деревьев, растущих из одного корня’, *вязель*, *зыбун* ‘топкое место на болоте’, *окно́*, *окнище* ‘не заросший мхом, травой участок водоема, болота’.

Коррелятивный тип IV (единично проявившиеся либо вовсе не обнаруженные в регионе ландшафтные термины, с которыми коррелирует многочисленная региональная топонимия) отмечается редко. Отдельные случаи такого рода корреляции объяснимы функционально-семантическим преобразованием ландшафтных терминов, издревле существовавших в регионе. Термины, некогда активно употребительные и склонные к топонимизации, со временем не только сократили употребительность, но и утратили прежние значения, служившие хорошей мотивационной основой для возникновения многих соотносительных географических имен. Ниже подробно остановлюсь на трех примерах, иллюстрирующих данную терминологию, хотя их можно собрать и больше. Со всеми приведенными ниже

апеллятивами коррелируют не молодые микротопонимы, а как правило старые топонимы, массово присутствующие в современных материалах, но особенно в средневековой письменности. Это обстоятельство подсказывает, что изменения, пережитые апеллятивами, происходили в достаточно ранние эпохи.

В Новгородском регионе множество селений, урочищ и водоемов носят названия с основой *Дубров-*. Только на территории Новгородской области имеется более 20 жилых деревень, именуемых *Дубровка, Дуброво, Дубровы, Дуброви, Дубровочка*. Среди современных новгородско-псковских водоемов (в бассейнах оз. Ильмень и оз. Чудско-Псковского) гидронимов *Дубровка, Дубровно, Дубровня, Дубровенский, Дубровенец*, по моим подсчетам, тоже насчитывается до двух десятков. Еще более выразительное количество дают новгородские писцовые книги XV–XVI вв., в которых число повторяющихся названий *Дуброва, Дубровец, Дубровица, Дубровицы, Дубровичи, Дубровка, Дубровки, Дубровы, Дубровно* и т. п. явно переваливает за полторы сотни, см. [Указ. к НПК: 129–130]. Приведенные топонимические факты приравниваются к древнему вост.-слав. *дуброва*, преимущественно известному по разным диалектам в качестве обозначения участков, поросших лиственным лесом или травой; ср. др.-рус. *дуброва* и уменьш. *дубровка* ‘лес’, ‘дубрава, роща; лес из деревьев одной породы, преимущественно лиственный’, ‘лиственный лес, выросший на выпашанной и заброшенной рощи; также, вероятно, всякое повторно расчищаемое поле в лесу’, *дуброва пашенная* ‘лиственный лес, вырастающий на выпашанной рощи’, *лѣс дубровный* ‘вторичный лиственный лес (на заброшенной пашне)’ [СлРЯ XI–XVII, 4: 370–371]. В современных говорах Новгородской области термин *дуброва* не обнаружен. Похоже, здесь он преобразовался в формально сходное общерус. *дубра́ва*, известное обозначение дубового леса (в НОС дано только единичное *дубра́вка* ‘дубовая роща’), хотя в соседних Псковской, Вологодской областях и Карелии спорадические следы прежнего слова все же имеются: пск. *дубро́ва* ‘хвойный лес’, *дубро́вка* ‘поле’ [ПОС, 10: 34; СРНГ, 8: 241], пск., волог. ‘густой лес из деревьев разных пород’ [СВГ, 1985: 63], ‘лужайка, на которой скошена трава’, ‘нераспаханное поле’ в рус. говорах Карелии [СРГК, 1: 8–9], дополнительные сведения даны в [СГРС, 3: 282; СРНГ, 8, 240–241; Толстой 1969, 44–47]. Разнообразие смысла исходных апеллятивов (‘лес’, ‘покос’, ‘поле’) затрудняет уточнение конкретных мотивировок топонимии на *Дубров-*, но чаще всего такие названия маркировали обустройство новых селений возле перелесков и рощиц лиственного леса, выросших на местах бывших пашен и рощистей, или возле покосов на местах бывших пашен.

К коррелятивному типу IV безусловно относится термин *дор*, в пережиточном состоянии сохраняющийся в отдельных говорах северного наречия, записанный в том числе и на восточной периферии Новгородского региона: *дор* ‘слегка возвышенная местность, поросшая строевым лесом в виде отдельных рощ’ Черепов. [СРНГ, 8: 129]. В смысловом наполнении этого угасающего слова сегодня мало что напоминает о прежнем «подсечном» значении (*дор* — ‘росчисть из-под леса под пашню’), но об активном функционировании земледельческого термина в прошлом свидетельствуют многочисленные современные, но особенно средневековые новгородские названия *Дор, Дорок, Дора, Дорки, Дорка, Дорицы, Дорища, Дорищо*

и т. п. (в пятинах Великого Новгорода таких названий насчитывается более сотни, см. [Указ. к НПК: 128]).

В новгородских и сопредельных с ними говорах Русского Северо-Запада диал. *дуплѣ*, *дуплѧ*, *дупѣлька* и т. п. сегодня распространены в качестве обозначений дупла дерева, или самого дуплистого дерева, или емкостей из дерева [НОС 2010: 238; СРГК, 2: 10; СРНГ, 8: 258–262]. Им соответствует удивительно многочисленная новгородская гидронимия и топонимия от *Дупл*’ – *Дупел*’-: повторяющиеся имена водоемов *Дупелька*, *Дупле*, *Дупля*, *Дупельское*, *Дуплеватое*, *Дуплевский*, но особенно средневековых селений *Дупле*, *Дупля*, *Дуплево*, *Дуплевец*, *Дуплецо*, *Дупелца* и др. (таких селений более тридцати, они больше тяготеют к южным и юго-восточным пятинам исторической Новгородской земли, судя по [Указ. к НПК: 130]). Столь высокая топонимическая активность *дуплѣ*, *дуплѧ* в далеком прошлом не случайна: похоже, эти лексемы в древненовгородском диалекте, помимо обозначений деревянных полостей, выступали обозначениями глубоких оврагов, впадин, понижений между холмами. Ср. др.-рус. церк.-слав. *дуплѣ* ‘расселина, углубление; пещера’, XII в. [СлРЯ XI–XVII, 4: 376], а также подобную древненовгородской ситуацию в западнославянском пространстве (словен., сербохорв.), где географические имена от праслав. **dup(ь)l’a*, **dup(ь)l’e* тоже встречаются часто, а апеллятивы сочетают значение ‘дупло’ с ландшафтным ‘пещера, грот’, свойственным горной местности; см. [Bezł. SVI, I: 161; ЭССЯ, 5: 159–160]. Со временем новг. *дуплѣ*, *дуплѧ* утратили значения ландшафтного термина, а соотносительная с ними топонимия постепенно «выветривается», сохраняясь лишь по традиции.

Наконец термино-топонимная корреляция по типу IV приложима к еще одной категории лексем, семантика которых предопределена внешней, структурно-словообразовательной моделью и поэтому стабильна, в существенной степени безразлична к историческим изменениям. Речь идет о префиксально-суффиксальных образованиях *заболѣтьє* (*заболѣть*) ‘место за болотом’, *заручьє* ‘место за ручьем’, *подборьє* (*подборина*) ‘место под бором’, *подлужьє* ‘место под лугом, возле луга’, *поречьє* ‘местность у реки, вдоль реки’ и т. п. — с первичным значением ориентации, а не характеристики места. Такие лексемы редко попадают в диалектные словари, например, в НОС не вошел ни один из вышеперечисленных ориентирующих терминов, а в СРГК и СРНГ присутствует только *заболѣтьє*. Однако они регулярно обнаруживаются в топонимической функции, будучи закрепленными за множеством локусов. Названия *Заболѣтьє*, *Заручьє*, *Подборьє*, *Подборовьє*, *Подлужьє* и т. п. до десяти и более раз повторяются на новгородской территории. Наиболее яркий случай демонстрирует ранее подробно изученный старый новгородско-псковский топоним *Захоньє* (буквально *Захолмьє* — ‘место за холмом’): название повторяется более 40 раз в ограниченном ареале между озерами Ильмень и Чудско-Псковским при том, что ни одного апеллятива *захоньє* не найдено ни в исторической документации, ни в современных диалектных записях [Васильев 2012: 482–485]. Преимущественная сфера использования такого рода префиксально-суффиксальных образований — топонимия, в терминологической же сфере они обычно становятся употребительными лишь тогда,

когда развивают, наряду с ориентационно-топографическим, дополнительные качественные смыслы. Так, лексемы *за́болоть*, *за́болоть*, *заболѣтина* получили во многих говорах дополнительную семантическую филиацию: наряду со значением ‘место за болотом’, они нередко обозначают ‘низкое, заболоченное место’ [НОС, 3: 7; СРГК, 2: 83], ‘заболоченное дно долин и балок’, ‘сырое место на лугу’ [СРНГ, 9: 265].

Слова, изначально характеризующие особенности места, тоже иногда многократно повторяются как топонимы без заметного терминологического сопровождения. Например, *Каменка* служит собственным именем десятков и сотен небольших речек и ручьев с каменистым руслом, однако трудно найти хотя бы один ожидаемый термин-мотиватор *ка́менка* в значении ‘каменистая речка’ или ‘речка, ручей с каменистым руслом’. Функционирующие в новгородских говорах *ка́менка* ‘печь из камней в бане’ или *ка́менка* ‘каменный забор’ [НОС, 4: 15] выступают омонимами, не имеющими семантико-мотивационного отношения к многократно повторяющемуся гидрониму. Такие названия, как *Каменка*, надо полагать, исконно возникали в гидронимической функции.

Представленные наблюдения носят предварительный характер и не исчерпывают всей специфики термино-топонимных корреляций. Уточнение путей появления ландшафтного термина в диалекте и его дальнейшей семантико-словообразовательной эволюции во многих случаях нуждается в привлечении значительных лексико-топонимических данных. Общая картина существенно искажается отсутствием скоординированных параллельных собраний ландшафтной лексики и географических имен, особенно многочисленной микротопонимии. Последнюю обычно фиксируют крайне неполно и разрозненно.

Литература

Азарх 1979 — Азарх Ю. С. Данные ономастики как источник исторической диалектологии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1979. М., 1981. С. 221–241.

Васильев 2001 — Васильев В. Л. Новгородская географическая терминология (Ареально-семасиологические очерки). Великий Новгород, 2001.

Васильев 2012 — Васильев В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012.

ВГ-110 — Вопросы географии. Вып. 110. М., 1979.

ВГ-81 — Вопросы географии. Вып. 81. М., 1970.

ВГ-94 — Вопросы географии. Вып. 94. М., 1974.

Даль ТСЖВЯ — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1998.

КНОС — Картотека Новгородского областного словаря. Хранится на кафедре русского языка Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого (НовГУ).

Матвеев 1974 — Матвеев А. К. Тезисы о топонимике // Вопросы ономастики. № 7. Свердловск, 1974. С. 5–18.

- МГТТ — Местные географические термины в топонимии. М., 1996.
- Мокиенко 1971 — *Мокиенко В. М.* Закон «относительной негативности» и региональная топонимика // Ученые записки Уральского гос. ун-та. № 114. Свердловск, 1971. С. 79–85.
- Неволин 1853 — *Неволин К. А.* О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. С приложением карты. СПб., 1853.
- Никонов 1965 — *Никонов В. А.* Введение в топонимику. М., 1965.
- НОС — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995; Вып. 13. Великий Новгород, 2000.
- НОС 2010 — Новгородский областной словарь / Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб., 2010.
- НПК — Новгородские писцовые книги. Т. I–VI. СПб., 1859–1910.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–. Л., 1967–.
- РоиВАЛ — Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой. Свердловск, 1976.
- РТиГТ — Русская топонимика и географическая терминология. Свердловск, 1977.
- СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Т. I–VI. Екатеринбург, 2001–2014–.
- Селигер — Селигер: Материалы по русской диалектологии: Словарь / Под ред. А. С. Герда. Вып. 4 (Н–П). СПб., 2010.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред.: С. Г. Бархударов (Вып. 1–6), Ф. П. Филин (Вып. 7–10), Д. И. Шмелев (Вып. 11–14), Г. А. Богатова (Вып. 15–26), В. Б. Крысько (Вып. 27–29), Р. Н. Кривко (Вып. 30). М., 1975–2015–.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.
- Срезн. МСДРЯ — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1–3. СПб., 1893–1912.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. 2-е изд., испр. / Ред. Ф. П. Сороколетов. Вып. 1–47–. СПб., 2002–2014–.
- Строгова 1991 — *Строгова В. П.* Как говорят в Новгородском крае. Новгород, 1991.
- Толстой 1969 — *Толстой Н. И.* Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969.
- Указ. к НПК — Новг. писцовые книги. Указатель к первым шести томам (I–VI). Имена географические. Пг., 1915.
- Фасм. ЭСРЯ — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачев. Т. I–IV. М., 1986–1987.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева (Вып. 1–31); А. Ф. Журавлева (Вып. 32–39–), А. Ф. Журавлева, Ж. Ж. Варбот (Вып. 40). Вып. 1–40–. М., 1974–2016–.
- Bezl. SVI — *Bezlaj F.* Slovenska vodna imena. D. I–II. Ljubljana, 1956–1961; D. I–IV. Ljubljana, 1976–1982.

Valery Vasilyev

The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

(Veliky Novgorod, Russia)

vihnn@mail.ru

ABOUT THE TYPOLOGY OF CORRELATIONS BETWEEN LANDSCAPE TERM AND GEOGRAPHICAL NAME

The objective of the article is to assess possibilities of exploring regional history of folk landscape terms, taking into account the testimonies of regional toponymic correlates. Four main types of relationship between homonymous landscape terms and place names within the Novgorod region is highlighted and described. The type I consists of frequently used polysemic terms, which correlate with numerous regional place names (*bor* ‘coniferous forest; an open sublime place’, *niva* ‘arable land; wasteland’, etc.); the type II is represented by rare terminology that has rare toponyms-correlates (*bagno* ‘swamp’, *suhodon* ‘dry place’, etc.); the type III is the most commonly used polysemic terms with rare toponyms-correlates (*liman* ‘bay; swamp; deep place’, *kurgan* ‘mound; elevation’, etc.); the type IV is extremely rare (single or even missing in the region) terms with very many counterparts in the regional toponymy (*dubrova* ‘forest; field; mowing’, *dor* ‘wooded terrain’).

Keywords: landscape terms, toponyms, correlation type, Novgorod region dialects.

References

Azarkh Yu. S. Dannye onomastiki kak istochnik istoricheskoy dialektologii. *Obshcheslavyanskij lingvisticheskij atlas. Materialy i issledovaniya*. 1979. M., 1981, pp. 221–241.

Vasil'ev V. L. *Novgorodskaya geograficheskaya terminologiya (Areal'no-semasiologicheskie ocherki)*. Velikij Novgorod, 2001.

Vasil'ev V. L. *Slavyanskije toponimicheskie drevnosti Novgorodskoj zemli*. M., 2012.

Voprosy geografii. Vyp. 110. M., 1979.

Voprosy geografii. Vyp. 81. M., 1970.

Voprosy geografii. Vyp. 94. M., 1974.

Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. T. 1–4. M., 1998.

Kartoteka Novgorodskogo oblastnogo slovarya. Khranitsya na kafedre russkogo yazyka Novgorodskogo gos. un-ta im. Yaroslava Mudrogo (NovGU).

Matveev A. K. Tezisy o toponomastike. *Voprosy onomastiki*. No 7. Sverdlovsk, 1974, pp. 5–18.

Mestnye geograficheskie terminy v toponimii. M., 1996.

Mokienko V. M. Zakon «otnositel'noj negativnosti» i regional'naya toponimika. *Uchenye zapiski Ural'skogo gos. un-ta*. No 114. Sverdlovsk, 1971, pp. 79–85.

Nevolin K. A. *O pyatinakh i pogostakh Novgorodskikh v XVI v. S prilozheniem karty*. Spb., 1853.

- Nikonov V. A. *Vvedenie v toponimiku*. M., 1965.
- Novgorodskij oblastnoj slovar'*. Vyp. 1–12. Ed. V. P. Strogova. Novgorod, 1992–1995; Vyp. 13. Velikij Novgorod, 2000.
- Novgorodskij oblastnoj slovar'*. Izd. podgot. A. N. Levichkin, S. A. Myznikov. In-lingv. issled. RAN. SPb., 2010.
- Novgorodskie pistsovyje knigi. T. I–VI*. SPb., 1859–1910.
- Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi. Vyp. 1–*. L., 1967–.
- Russkaya onomastika i ee vzaimodejstvie s apellyativnoj leksikoj*. Sverdlovsk, 1976.
- Russkaya toponimika i geograficheskaya terminologiya*. Sverdlovsk, 1977.
- Slovar' vologodskikh govorov. Vyp. 1–12*. Vologda, 1983–2007.
- Slovar' govorov Russkogo Severa. T. I–VI–*. Ekaterinburg, 2001–2014–.
- Seliger: Materialy po russkoj dialektologii: Slovar'*. Vyp. 4 (N–P) Ed. A. S. Gerd. SPb., 2010.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv*. Eds.: S. G. Barkhudarov (Vyp. 1–6), F. P. Filin (Vyp. 7–10), D. I. Shmelev (Vyp. 11–14), G. A. Bogatova (Vyp. 15–26), V. B. Krysko (Vyp. 27–29), R. N. Krivko (Vyp. 30). M., 1975–2016–.
- Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastej* Ed. A. S. Gerd. Vyp. 1–6. SPb., 1994–2005.
- Sreznevskij I. I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka. T. 1–3*. SPb., 1893–1912.
- Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 1–47–*. 2-e izd., ispr. Ed. F. P. Sorokoletov. SPb., 2002–2014–.
- Strogova V. P. *Kak govoryat v Novgorodskom krae*. Novgorod, 1991.
- Tolstoj N. I. *Slavyanskaya geograficheskaya terminologiya. Semasiologicheskie etyudy*. M., 1969.
- Novg. pistsovyje knigi. Ukazatel' k pervym shesti tomam (I–VI). Imena geograficheskije*. Pg., 1915.
- Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. T. I–IV*. Ed. O. N. Trubachev. M., 1986–1987.
- Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov* Ed. O. N. Trubachev (Vyp. 1–31); A. F. Zhuravlev (Vyp. 32–39–), A. F. Zhuravlev, Zh. Zh. Varbot (Vyp. 40). Vyp. 1–40–. M., 1974–2016–.
- Bezljaj F. *Slovenska vodna imena. D. I–II*. Ljubljana, 1956–1961; Ljubljana, 1976–1982.